

ПАВЕЛ ТРУЩЕЛЁВ

кандидат филологических наук, научный сотрудник лаборатории когнитивных и лингвистических исследований Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

(Москва, Российская Федерация)

преподаватель кафедры русского языка и профессиональной коммуникации

Российско-Армянский (Славянский) университет

(Ереван, Армения)

pavel.trushchelev@gmail.com

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ НАРРАТИВА ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЕМ РЕЧЕВОГО РАЗВИТИЯ

А н н о т а ц и я . Описана языковая структура нарративов, порожденных детьми с нарушениями речевого развития. Материал исследования – 75 устных нарративов объемом 1894 слова, созданных на основе сюжетной серии картинок. Использовались методы количественной оценки лингвистических параметров вербальных данных. Выделены грамматические паттерны организации клауз: длина клаузы, структура зависимостей, частеречная структура, глагольные и субстантивные формы, коммуникативная структура. Охарактеризованы типы клауз, а также средства выражения отношений между ними. Описана актантажная и событийная структура нарративов. Выявлено, что дети стремились описать только основные события, используя короткие нераспространенные клаузы, построенные по модели «субъект-подлежащее – глагол-предикат – объект». При этом обнаружена высокая вариативность в номинации событий. Связность нарративов дети обеспечивали, используя сочинительные союзы и контекстуально связанные субъекты. Такая связность выражала только отношения присоединения. Причинно-следственные или пространственно-временные отношения не получили выражения. Выдвинуто предположение, что дети при порождении нарратива опирались на актантажную структуру картинки-стимула.

К л ю ч е в ы е с л о в а : нарратив, вторичный нарратив, детская речь, недоразвитие речи, грамматика текста, количественный анализ

Б л а г о д а р н о с т и . Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (№ 25-28-20503), <https://rscf.ru/project/25-28-20503/>.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Трущелёв П. Лингвистические параметры нарратива детей с нарушением речевого развития // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 5. С. 57–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1335

ВВЕДЕНИЕ

В работе описываются языковые характеристики устного нарратива, созданного на основе произведения-стимула (серии картинок). Характеристики индуцированного нарратива уже долгое время изучаются специалистами [6], [7], [9], [11], [13]. Установлено, что нарративы отражают навыки и стратегии речепроизводства и организации дискурса [2].

Особое внимание уделяется нарративам, порожденным детьми с нарушением речевого и психического развития. Отмечены их некоторые отличительные признаки: нарративы просты в структурном плане (в них мало эпизодов, короткие предложения, несложная синтаксиче-

ская структура, мало распространителей и др.), в них мало дискурсивов, много ошибок, они малоинформативны из-за повторов и сбоев [1], [5], [10], [15]. Такие характеристики могут отражать специфику когнитивной деятельности. Так, их часто связывают с фактором когнитивной нагрузки и навыками программирования деятельности.

Цель работы – выделить лингвистические параметры нарративов, вызванных у детей с диагностированным нарушением речевого развития. Структура русскоязычных нарративов, порожденных детьми с нарушением речевого развития, не становилась объектом полноценного лингвистического анализа.

Материалом исследования послужили нарративы, порожденные 75 детьми 7–10 лет (из них 22 девочки)¹. Дети проходили комплексное обследование у логопедов-дефектологов, являющихся сотрудниками «Ассоциации родителей детей с дислексией»². Частью обследования было задание рассказать историю по картинкам. Для этого использовалась серия трех сюжетных картинок Н. Радлова *Как кошка сама себя стукнула* (рисунки).

Логопеды на основе проведенного обследования устанавливали виды нарушения речевого развития, а также фиксировали общие психоречевые нарушения (например, трудности в нейродинамическом компоненте деятельности; сложности при переработке зрительно-пространственной информации; трудности планирования, регуляции и контроля). На основе всех данных о психоречевом статусе логопедами были выделены две группы детей:

Визуальный стимул³
Pictorial stimulus

(1) группа с условно незначительными нарушениями (далее – НН; распространенные речевые нарушения: трудности овладения навыками письма и чтения, фонематическое недоразвитие речи, дислалия, дислексия, дисграфия, дизорфография, нарушение фонематического слуха);

(2) группа с общим недоразвитием речи (далее – ОНР; распространенные речевые нарушения (часто в сочетании с нарушениями из группы с НН): ОНР IV уровень, ОНР III уровень, лексико-грамматическая недостаточность).

Характеристика материала с учетом деления на группы представлена в табл. 1.

В работе использовались методы количественной текстовой аналитики. Оценивались следующие характеристики:

- объем единиц текста;
- распределение частей речи, а также глагольных и субстантивных граммем;
- синтаксические характеристики клауз;
- субъектная перспектива текста (см. [4]);
- коммуникативная структура (структура «данное – новое»; см. [12]);
- первый план и фон нарратива (см. [14]);
- событийная структура нарратива (см. [8]).

Применялся рангово-бисериальный коэффициент корреляции для оценки возможной связи между признаками нарратива и группой детей. В тексте статьи значимые связи маркируются звездочкой (*). Анализ материала проводился с учетом семантико-грамматических признаков (см. [3]): основной единицей анализа являлась клауза с вершиной-глаголом. Характеристики устной речи – речевые сбои, повторы, самоисправления и т. п. – не учитывались при анализе.

Количественная характеристика нарративов

Quantitative characteristics of narratives

Таблица 1

Table 1

Характеристики	Группа детей с НН	Группа детей с ОНР	Всего
Количество нарративов	32	43	75
Объем нарративов	894 слова	1000 слов	1 894 слова
Медианный объем нарратива (среднее квартильное отклонение)	23 слова (8 слов)	21 слово (5 слов)	23 слова (6 слов)

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Морфосинтаксические характеристики

Средние количественные параметры клауз даны в табл. 2. Здесь и далее первой приведена оценка нарративов детей с НН, второй – нарративов детей с ОНР.

Частеречная структура представлена в табл. 3: в ней указаны средняя доля части речи от всех слов и средняя частота вхождения части речи в клаузу.

Количественные параметры клауз

Quantitative properties of clauses

Таблица 2

Table 2

Длина клаузы (слова)	Количество зависимостей от вершины клаузы	Глубина зависимостей (расстояние до вершины клаузы)
4,7 / 4,6	2,5 / 2,5	1,1 / 1,0

Таблица 3

Частеречная структура

Table 3

Part-of-speech structure

Единица анализа	Существительное	Глагол	Предлог	Союз	Наречие	Эгоцентрики
Текст нарратива	.36 / .39	.23 / .22	.14 / .14	.11 / .11	.04 / .05	.03 / .01*
Клауза	1,7 / 1,8	1,1 / 1,0	0,7 / 0,7	0,5 / 0,5	0,2 / 0,3	0,15 / 0,05*

Данные отражают типичную для анализируемых нарративов **организацию клаузы**. Опишем ее с помощью примера: (1) *Кактус упал на грабли / А грабли ударили кошку*. Обе клаузы включают вершину-глагол и два зависимых именных актанта. Представлены наиболее распространенные в материале актанты: субъект (средняя встречаемость в клаузах: 0,8 / 0,8), объект (средняя встречаемость в клаузах: 0,4 / 0,3), обстоятельственный актант (средняя встречаемость в клаузах: 0,6 / 0,5). Обстоятельственные актанты дети вводили, указывая место, куда упал кактус, а также расположение участников сюжета (напр., *сидела на окне*). В примере есть предлог, а также инициальный союз *а* с функцией текстового коннектора.

В нарративах представлены наречия (напр., *спокойно сидела*). Но частота их встречаемости низкая, а показатель вхождения в клаузу наречного модификатора составляет 0,05 и 0,06.

Дети редко использовали эгоцентрики – преимущественно дискурсивы *ну* и *вот* (см., напр., пример (2) ниже). Но при этом была обнаружена связь между фактором группы и употреблением эгоцентриков (.376 и .365, $p < .05$): в нарративах детей с НН их значимо больше.

Глубина зависимостей в клаузе указывает на то, что дети не распространяли компоненты, зависимые от вершины. Так, практически не используются модификаторы именных групп: средний показатель вхождения в клаузу адъективного модификатора (напр., *небольшой кактус*) составляет 0,008 и 0,001, а субстантивного модификатора (напр., *горшок с кактусом*) – 0,02 и 0,02.

Морфологические признаки глаголов и существительных оценены в табл. 4. В них указаны средние величины доли граммем от общего количества глаголов или существительных в нарративе.

Таблица 4

Граммемы глаголов и существительных

Table 4

Verb and noun forms

Глаголы					
Совершенный вид	Прошедшее время	Финитная форма	Инфинитив	Изъявительное наклонение	Активный залог
.71 / .76	.87 / .83	.91 / .94	.09 / .06	.91 / .94	.89 / .89
Существительные					
Именительный падеж	Винительный падеж	Косвенные падежи	Единственное число		
.39 / .39	.40 / .42	.21 / .20	.84 / .88		

Видно, что повествование организуют активные конструкции с финитными глаголами совершенного вида в форме прошедшего времени и изъявительного наклонения. Глагол в форме инфинитива использовался в качестве распространителя глаголов *хотеть* (напр., *хотела отомстить*) и *решить* (напр., *решил сбросить*), а также фазовых глаголов (напр., *начал падать*).

Примечательно, что конструкцию «*хотеть / решить* + инфинитив» дети часто использовали для описания совершенного действия; например: (2) *Ну, кот хотел уронить на собаку кактус / Но попал на грабли*.

Дети не применяли пассивные конструкции. Глаголам в форме активного залога противопоставлены возвратные глаголы (напр., *горшок разбил*).

Морфологические характеристики существительных отражают типичную структуру клаузы с субъектом в именительном падеже и объектом в винительном. Косвенные падежи репрезентуют преимущественно обстоятельственные актанты (напр., *рядом с собакой, около собаки, по морде, к кактусу*). Дети обозначали конкретные сущности, используя существительные в единственном числе (*кот, собака, окно* и др.). Большая часть употреблений множественного числа приходится на слово *грабли*.

Грамматическая организация текста

Оценка **структурных типов** клауз представлена в табл. 5.

Таблица 5

Типы клауз
Types of clauses

Table 5

Типы клауз по зависимости				
Независимые	Однородные	Изъяснительные	Обстоятельственные	Относительные
.87 / .92	.09 / .06	.01 / .00	.01 / .02	.02 / .01
Типы клауз по полноте				
Полные		Неполные		Эллиптические
.90 / .88		.08 / .06		.02 / .06*

Дети активно употребляли полные независимые клаузы. Неполные клаузы, как правило, были однородными с опущенным субъектом (ср. значения); например: (3) *Грабли отскочили / И ударили по носу кошке.*

Зависимые клаузы употреблялись крайне редко. При этом дети с ОНР не употребили ни одной изъяснительной клаузы. Примечательно, что среди всех зависимых клауз только одна является эксплицитно причинной с однозначным характеризующим маркером каузативности:

(4) *Собака проснулась / Потому что укололась об кактус.*

Хотя эллиптические клаузы употреблялись редко, корреляционный анализ показал, что в нарративах детей с ОНР их больше (.214, $p < .05$). Обычно дети с их помощью описывали удар граблями: (5) *И кошечке по носику бум-бум.*

Для оценки **связности** были рассмотрены типы текстовых коннекторов в клаузах и референциальные свойства именованного субъекта. Результаты представлены в табл. 6 и 7.

Таблица 6

Коннекторы
Connectors

Table 6

Клаузы	Нет	Сочинительные союзы	Подчинительные союзы	Время	Место	Причина	Дискурсивный маркер
Все	.36 / .39	.42 / .40	.04 / .001	.05 / .10	.04 / .02	.01 / .01	.10 / .08
Без первой	.33 / .29	.54 / .53	.02 / .002	.06 / .13	.03 / .02	.06 / .05	.01 / .03

Таблица 7

Референциальные свойства субъекта
Referential properties of subjects

Table 7

Клаузы	Первое название	Повторное название	Местоимение	Опущение	Лексический нуль
Все	.32 / .31	.18 / .19	.07 / .05	.14 / .16	.05 / .05
Без первой	.13 / .10	.23 / .25	.08 / .07	.18 / .21	.06 / .06

С одной стороны, данные говорят о высокой связности клауз. Дети активно использовали коннекторы, особенно сочинительные союзы, и референциально связанные субъекты. Примечательно, что без учета первой клаузы почти 90 % следующих клауз имеют контекстуально связанный субъект. С другой стороны, связность сводится преимущественно к отношениям присоединения, нанизывания. Как показывает оценка маркеров времени и места, такое присоединение не опирается даже на хронотоп нарратива. Другие отношения – и прежде всего причинно-следственные – выражались крайне редко. Так, показателен пример (1), в котором не эксплицированы каузативные отноше-

ния между клаузами. Вероятно, дети опирались не на событийную, а на актантную структуру картинки-стимула (см. ниже). В этом случае для них в основе цельности изображения лежал не единый сюжет, а его участники. На это указывает в том числе контекстуальная связанность субъектов.

Можно отметить, что дети использовали в первом предложении дискурсивы (часто инициальный *ну*, как в примере (2), и перцептивные маркеры типа *Я вижу, что...*), которые, вероятно, делали зачин более релевантным ситуации взаимодействия с интервьюером.

Признаки **коммуникативной структуры** нарративов оценены в табл. 8.

Таблица 8
Коммуникативная структура клауз
Table 8
Communicative structure of clauses
(functional perspective)

Маркирующая структура	Организующая функция глагола	Порядок «субъект – глагол – объект»
.92 / .94	.97 / .89*	.86 / .81

В основном дети использовали маркирующую коммуникативную структуру, при которой феномену (данное) присваивается характеристика (новое). Бытийная структура, при которой презентуется феномен (новое), представлена в нарративах непоследовательно, например: (6) *На книге сидел котик*. Скорее всего, это связано с тем, что картинка являлась частью коммуникативного контекста, доступного ребенку и интервьюеру. В этом случае презентация феномена могла показаться детям избыточной (хотя презентация – важный компонент нарративных жанров).

В большинстве клауз глагол является границей между новым и данным. Однако в нарративах детей с ОНР обнаружено значимо больше отклонений (.292, $p < .05$), например: (7) *А кактус полетел на грабли / И кошке **по носу** попало граблями*.

Обе группы детей чаще всего создавали клаузы, следуя порядку «субъект – глагол – объект». Нарушение этой последовательности не всегда было обусловлено отклонениями типа (7). Так, бытийные коммуникативные структуры строились по характерной модели «глагол – презентуемый субъект» [12: 66]. Кроме того, известная часть глагольной группы может переноситься в препозицию глаголу. Чаще всего такая часть выражена местоимением: (8) *Грабли **ее** [кошку] стучают по носу*.

Содержательные характеристики

На основе категоризации именных групп выделены **актанты повествования**. В табл. 9 указаны доли нарративов с номинацией актантов.

Актанты повествования

Таблица 9

Narrative actants

Table 9

Кот	Собака	Кактус	Грабли	Окно	Дом	Другие места
.97 / .98	.88 / .86	1.0 / 1.0	.94 / .98	.31 / .21	.06 / .00	.13 / .05

Дети фокусировались на четырех актантах, которые претерпевали изменения на картинках (см. [8]). Больше всего внимания уделено кошке, кактусу и граблям. На изображении эти актанты претерпевают наибольшие изменения и взаимодействуют друг с другом. Персонаж-собака обозначен в большинстве нарративов. Однако в 27 нарративах (.34 / .37) связь между основным сюжетом и собакой не эксплицирована (примечательно, что на картинках персонаж-собака не вступает в прямое взаимодействие с другими актантами). В них и персонаж-собака, и ее сюжетная линия являются побочными; например: (9) *Кошка уронила кактус / Он упал на грабли / Собака проснулась / И грабли в кошку отлетели*.

Такая структура сюжета поддерживает предположение о том, что дети устанавливали цельность визуального с опорой на его актантную структуру и описывали, что происходит с актантами. Поэтому для детей было важно рассказать, что произошло с персонажем-собакой. В связи с этим следует отметить, что только два ребенка (из группы детей с НН) детализировали сюжет и обозначили актантов, не представленных на картинках, – персонажа-бабушку и город, где происходили события: (10) *У моей бабушки был котик*; (11) *В маленькой*

деревушке под названием Собацк жил маленький котик. Введение таких актантов может разрушить цельность визуального стимула, заданную актантной структурой.

Актанты, репрезентующие пространственные компоненты, дети указывали редко. Самая большая доля упоминания – .31 и .21 – у окна; например: (12) *Кошка уронила с окна кактус*. Другие пространственные актанты вводились еще реже при описании компонентов экспозиции (см. пример (6)).

Субъектную перспективу нарративов формируют как одушевленные (.51 и .56), так и неодушевленные (.49 и .44) актанты (см. пример (9)). В 72 нарративах развертывание в первой клаузе задает одушевленный субъект (чаще всего субъект-кошка). Это может быть обусловлено в том числе тем, что субъект совершает первое действие.

Самым распространенным типом субъекта является «субъект действия»: .82 и .80. Тип «субъект состояния / признака» представлен в нарративах значительно реже: .16 и .20. Такой тип субъекта часто использовался для описания экспозиции. Авторизованный субъект, выражающий точку зрения актанта, обнаружен только в четырех нарративах детей с НН; например: (13)

Кошка увидела кактус / Что он стоит на подоконнике.

Событийную структуру нарратива репрезентовали глаголы. Ниже представлены глаголы, которые использовали более 10 % детей каждой группы, и частота их индексации. Глаголы из нарративов детей с НН представлены в примере (14), а глаголы из нарративов детей с ОНР – в примере (15); полужирным шрифтом выделены глаголы, общие для обеих групп:

(14) *упасть* (21), *ударить* (14), *попасть* (10), *уронить* (10), *проснуться* (9), *сидеть* (9), *спать* (9), *стоять* (8), *полететь* (5), *кинуть* (4), *опрокинуть* (4), *сбросить* (4), *скинуть* (3);

(15) *упасть* (24), *уронить* (18), *проснуться* (15), *попасть* (11), *падать* (8), *ударить* (7), *дать* (5), *лететь* (4), *опрокинуть* (4), *полететь* (4), *сбросить* (4), *сидеть* (4), *скинуть* (4), *спать* (4).

Дети обозначали преимущественно основные события, изображенные на картинках. Сравнение глаголов показывает, что интерпретация событий разными группами не различается значимым образом. В то же время обнаруживается высокая вариативность в интерпретации событий конкретными детьми. На это указывает вариативность в номинации действий. Самые частотные глаголы употребили только 66 % детей с НН и 56 % детей с ОНР, а следующие по частотности – уже 44 % и 42 % детей. Для обозначения одного действия на первой картинке дети использовали частотные глаголы *уронить*, *кинуть*, *сбросить*, *скинуть*, *опрокинуть*. Одни глаголы называют намеренное действие, а другие – ненамеренное; например: (16) *Кошка случайно уронила кактус на собаку*; (17) *Он решил сбросить кактус на собачку*.

Показательна относительно большая (с учетом общего стимула и размера нарративов) величина лексического разнообразия глаголов: .40 (65 / 176) в группе детей с НН и .36 (69 / 190) в группе детей с ОНР.

Дети использовали мало глаголов для презентации фона нарратива, который формируют длительные (неточечные), нединамичные, неконтролируемые действия (напр., *А под ним спала собака*; см также пример (6) выше). В списках (14) и (15) представлены всего три глагола, описывающие фоновые события: *сидеть*, *стоять*, *спать*. Небольшая доля субъектов состояния / признака, а также небольшая доля глаголов в форме несовершенного вида (см. табл. 4) косвенно указывают на то, что дети мало обозначали фоновые события.

Усредненное деление клауз, формирующих фон и первый план нарратива, показало следующие результаты: в нарративах детей из группы НН 24 % клауз относились к фону, а 76 % – к пер-

вому плану; в нарративах детей из группы ОНР 15 % клауз относились к фону, а 85 % – к первому плану. Как видно, дети больше внимания уделяли описанию событий первого плана, которые «двигают» повествование. При этом дети из группы с НН использовали значимо больше клауз с описанием фона (.307, $p < .05$).

Еще один аспект структуры нарративов – **соотношение картинок и текста**. В табл. 10 указаны средние доли текста (в словах), которые посвящены описанию каждой картинке.

Таблица 10
Соотношение картинок и текста
Table 10
Ratio of pictures to text

Картинка 1	Картинка 2	Картинка 3	Нет на картинке
.34 / .35	.05 / .08	.50 / .52	.09 / .07

Основное внимание дети уделяли описанию третьей картинке. Вероятно, это связано с тем, что на этой картинке отражено больше всего изменений.

Первую картинку дети описывали короче, указывая завязку нарратива и (по возможности) экспозицию повествования (см. примеры выше). Вторую картинку кратко описали 26 детей (из них 11 с НН); например: (18) *Кактус летел*. Вероятно, дети уделяли мало внимания второй картинке, поскольку на ней мало изменений и представлено продолжительное (неограниченное) действие.

В нарративах 25 детей (из них 11 с НН) есть описание событий, не представленных на картинках. Некоторые из них были приведены выше, например в (10) и (11): эти клаузы формируют экспозицию. Примечательны редкие случаи, когда дети представляли мотив кошки сбросить кактус, например: (19) *И она хотела отомстить собаке / Что собака гналась за кошкой много раз*. Однозначно характеризующие маркеры каузативных отношений при этом дети не употребляли.

Три ребенка (из них один с НН) указали, что произошло после событий на картинке; например: (20) *И котик больше никогда так не делал*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Количественные данные показали, что нарративы детей с нарушениями речевого развития отличаются простой (неразветвленной) синтаксической структурой как на уровне предложения, так и на уровне глагольных и именных групп. Используется ограниченный набор маркеров связности – сочинительные союзы, повтор или опущение субъекта. Маркеры выражают отношения присоединения; другие отношения (причинные,

временные) практически не выражены. Развертывание нарративов представляет собой присваивание различных характеристик актантам. Субъектную перспективу формируют номинации субъектов действия; событийную структуру – глаголы, описывающие точечные, отграниченные действия. Эти признаки могут рассматриваться как потенциальные маркеры особенностей порождения нарратива детьми с нарушениями речевого развития.

Статистическое сравнение параметров нарративов, порожденных детьми с разными нарушениями, выявило несколько значимых, хотя

и слабых, различий. В отличие от детей с незначительными нарушениями, дети с общим недоразвитием речи реже использовали эгоцентрики и не использовали приемы авторизации. Дети с общим недоразвитием речи чаще применяли эллиптические конструкции и конструкции с отклонением от типичной коммуникативной структуры с организующей позицией глагола. Кроме того, дети с общим недоразвитием речи реже обозначали фоновые события нарратива. Эти различия могут отражать тенденции в текстопорождении детьми с различными по тяжести нарушениями речевого развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Нарративы являются частью базы данных «Устные нарративы младших школьников с нарушениями в обучении». Свидетельство о регистрации № 2024620349.

² <https://dyslexiarf.com/>.

³ Радлов Н. Рассказы в картинках. Л.: Детиздат, 1937. 42 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балчюниене И., Корнев А. Н. Анализ нарративов у детей с недоразвитием речи // Специальное образование. 2017. № 3. С. 32–43.
2. Балчюниене И., Корнев А. Н. Формирование нарратива: от порождения устного дискурса к пониманию письменного текста // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2025. Т. 167, кн. 4. С. 87–105. DOI: 10.26907/2541-7738.2025.4.87-105
3. Бурова Е. Е. Сегментация речи при создании корпуса устных текстов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, вып. 9. С. 2657–2663.
4. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Ин-т рус. яз., 2004. 544 с.
5. Корнев А. Н., Балчюниене И., Вишонкина А. А. Особенности овладения жанровым репертуаром устного дискурса у детей 4–6 лет с первичным недоразвитием речи и их сверстников с нормой развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14, № 4. С. 1067–1090. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1067-1090
6. Шишков М. С. Формирование нарративной стратегии в рассказах билингвов на русском языке: корпусное исследование // Русистика. 2023. Т. 21, № 3. С. 321–340. DOI: 10.22363/2618-8163-2023-21-3-321-340
7. Эйсмонт П. М. Стратегии порождения спонтанного нарратива и роль внешнего стимула // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. Вып. 4, ч. II. С. 192–197.
8. Эйсмонт П. М. Эпизод и событие в устном детском нарративе // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. 2017. № 5. С. 67–76. DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-67-76
9. Ягунова Е. В. Структура спонтанного нарратива: мультимедийность исходного дискурса и его отражение в текстах детей и взрослых // Санкт-Петербургская школа онтолингвистики: Сб. ст. к юбилею д-ра филол. наук, проф. С. Н. Цейтлин / Отв. ред. Т. А. Круглякова. СПб.: Златоуст, 2013. С. 159–177.
10. Altman C., Avraham I., Meirovich S. S., Lifshitz H. How do students with intellectual disabilities tell stories? An investigation of narrative macrostructure and microstructure // Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities. 2022. Vol. 35, № 5. P. 1119–1130. DOI: 10.1111/jar.12997
11. Diehm E. A., Wood C., Puhlman J., Callendar M. Young children's narrative retell in response to static and animated stories // International Journal of Language & Communication Disorders. 2020. Vol. 55, № 3. P. 359–372. DOI: 10.1111/1460-6984.12523
12. Firbas J. Functional sentence perspective in written and spoken communication. Cambridge; New York; Oakleigh: Cambridge University Press, 1992. 240 p.
13. Gagarina N. Anaphoric pronominal reference in Russian and German narratives: Bilingual and monolingual settings // Linguistic Approaches to Bilingualism. 2022. Vol. 12, № 4. P. 407–412. DOI: 10.1075/lab.00035.int
14. Li W. Grounding in Chinese written narrative discourse. Leiden; Boston: Brill, 2018. 280 p.
15. Meritt D. D., Liles B. Z. Narrative analysis: Clinical applications of story generation and story retelling // Journal of Speech and Hearing Disorders. 1989. Vol. 54, № 3. P. 438–447. DOI: 10.1044/jshd.5403.438

Поступила в редакцию 13.10.2025; принята к публикации 27.04.2026; дата публикации 30.06.2026

Pavel Trushchelev, Cand. Sc. (Philology), Research Fellow, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation), Lecturer, Russian-Armenian (Slavonic) University (Yerevan, Armenia)
pavel.trushchelev@gmail.com

LINGUISTIC PARAMETERS OF NARRATIVES PRODUCED BY CHILDREN WITH SPEECH DISORDERS

Abstract. The article identifies linguistic characteristics of narratives produced by children with speech disorders. The material includes 75 oral narratives (1,894 words) based on a three-part picture story. The quantitative linguistic analysis was conducted to assess linguistic parameters of the narratives. Grammatical patterns of clause organisation were examined, including clause length, dependency structure, part-of-speech structure, verb and noun forms, and functional perspective. The analysis also covers clause types and units expressing inter-clausal relations. The actant and event structures of the narratives were examined. The findings show that the narratives tend to describe only the main events employing short non-extended clauses constructed according to the *subject – verb – object* model. Considerable variability was observed in event naming. Textual coherence was primarily achieved through using coordinating conjunctions and contextually related subjects, which marked relations of addition only. Causal and spatio-temporal connections remained largely unexpressed. The article suggests that, in generating their narratives, the children relied not on the event structure of the picture story, but on its actant configuration.

Keywords: narrative, pictorial narrative, children's speech, speech underdevelopment, text grammar, quantitative analysis

Acknowledgements. The research was funded by the Russian Science Foundation (grant No 25-28-20503, <https://rscf.ru/project/25-28-20503/>).

For citation: Trushchelev, P. Linguistic parameters of narratives produced by children with speech disorders. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(5):57–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1335

REFERENCES

- Balciuniene, I., Kornev, A. V. Narrative discourse analysis in children with speech underdevelopment. *Special Education*. 2017;3:32–43. (In Russ.)
- Balciuniene, I., Kornev, A. V. Narrative acquisition: from oral discourse production to written text comprehension. *Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 2025;167(4):87–105. DOI: 10.26907/2541-7738.2025.4.87-105 (In Russ.)
- Burova, E. E. Speech segmentation during the creation of an oral text corpus. *Philology. Theory & Practice*. 2021;14(9):2657–2663. (In Russ.)
- Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., Sidorova, M. Yu. Communicative grammar of the Russian language. Moscow, 2004. 544 p. (In Russ.)
- Kornev, A. N., Balciuniene, I., Vishonkina, A. A. Acquisition specifics of genre repertoire of personal discourse in 4-6-year-old children with developmental language disorder and typically developing peers. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2023;14(4):1067–1090. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1067-1090 (In Russ.)
- Shishkov, M. S. Narrative strategy formation in the bilinguals' stories in Russian: corpus study. *Russian Language Studies*. 2023;21(3):321–340. DOI: 10.22363/2618-8163-2023-21-3-321-340 (In Russ.)
- Eismont, P. M. Strategies of speech production and the stimulus influence. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*. 2007;4(II):192–197. (In Russ.)
- Eismont, P. M. Episode and event structure in child oral narratives. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*. 2017;5:67–76. DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-67-76 (In Russ.)
- Yagunova, E. V. The structure of spontaneous narrative: the multimedia nature of the source discourse and its reflection in texts produced by children and adults. *Saint Petersburg school of ontolinguistic: Collection of articles dedicated to the anniversary of Professor S. N. Zejtlin*. St. Petersburg, 2013. P. 159–177. (In Russ.)
- Altman, C., Avraham, I., Meirovich, S. S., Lifshitz, H. How do students with intellectual disabilities tell stories? An investigation of narrative macrostructure and microstructure. *Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities*. 2022;35(5):1119–1130. DOI: 10.1111/jar.12997
- Diehm, E. A., Wood, C., Puhlman, J., Callendar, M. Young children's narrative retell in response to static and animated stories. *International Journal of Language & Communication Disorders*. 2020;55(3):359–372. DOI: 10.1111/1460-6984.12523
- Firbas, J. Functional sentence perspective in written and spoken communication. Cambridge; New York; Oakleigh, 1992. 240 p.
- Gagarina, N. Anaphoric pronominal reference in Russian and German narratives: Bilingual and monolingual settings. *Linguistic Approaches to Bilingualism*. 2022;12(4):407–412. DOI: 10.1075/lab.00035.int
- Li, W. Grounding in Chinese written narrative discourse. Leiden; Boston, 2018. 280 p.
- Meritt, D. D., Liles, B. Z. Narrative analysis: Clinical applications of story generation and story retelling. *Journal of Speech and Hearing Disorders*. 1989;54(3):438–447. DOI: 10.1044/jshd.5403.438

Received: 13 October 2025; accepted: 27 April 2026; published: 30 June 2026